

Любовь Ишунькина

Лизонька

(Блокаде Ленинграда)

— Доченька, я сейчас схожу, паёк получу и вернусь, только ты никуда не уходи, жди меня дома, хорошо?

Мама сжала в холодных руках маленькие ладошки. Глаза, когда-то голубые и ставшие от горя и страха серого цвета, ласково смотрели на дочку. — Хорошо, мамочка, только ты побыстрее, а то мне страшно.

Лиза обняла маму и, прижав старую куклу, села на кровать. Дверь квартиры тихо закрылась. Лиза легла в холодную постель и, укрывшись одеялом с головой, стала говорить с куклой:

— Сейчас полежим, маму подождём, она скоро вернётся, сварим из муки суп, и я тебя накормлю. А сейчас дыши в ладошки, чтобы согреться.

Прижав куклу покрепче, Лиза не заметила, как уснула. Очередной обстрел нарушил тишину. Всё вокруг грохотало, дрожало, выли сирены. Подскочив с постели, Лиза подошла к окну. Сплошная дымовая завеса, рассеявшись, обозначила напротив разрушенный дом. О чём-то непонятно кричал репродуктор. Лиза почувствовала, как от страха внутри всё сжалось.

«Где же мама? Почему она так долго?»

Надев пальтишко, ботиночки и завернув куклу в мамин платок, девочка вышла на улицу. Январский холод снежной крошкой и чёрной гарью ударил в лицо. Люди бежали в укрытие, Лиза с Катькой устремились за ними.

В бомбоубежище было сумрачно и сыро. У стен стояли ящики с противогАЗами, сверху лежали медицинские аптечки. Присев на выступ в стене, Лиза огляделась. Пытаясь отыскать взглядом знакомых, она пошла по бункеру. Все лица показались одинаково серыми. Она почувствовала, как по телу пробежала дрожь и затряслись губы. Вскоре вой и грохот сменила тишина. Репродуктор вещал: «Отбой воздушной тревоги!» Люди с опаской, помогая друг другу, стали выходить из укрытия. Сквозь густую пелену дыма еле просматривался покрытый пеплом снег.

Оглядевшись, Лиза увидела дом, в котором живёт бабушка. С трудом открыв дверь, девочка вошла. В комнате было тихо.

— Баба, — позвала Лиза.

Пройдя в комнату, она увидела на кровати бабушку, которая лежала неподвижно. Испугавшись,

что бабушка не реагирует на зов, она решила быстрее уйти, как вдруг непонятный звук заставил её оглянуться. Превозмогая страх, Лиза подошла к кровати и в ворохе одежды увидела маленькую ручку ребёнка. С трудом вытащив свёрток, она развернула одеяло. Вытаращив голубые глазки на Лизу, ребёнок попытался заплакать, но получился лишь сил্পый глухой звук.

— Николка? — испуганно прошептала Лиза. — Как ты здесь оказался?

Малыш, признав няньку, затих. Лиза вспомнила, как она приходила к Валентине Андреевне — соседке по площадке — и та позволяла поиграть с Николкой, вернее, дать соску или погремушкой побренчать. А ещё Лиза любила катать его в коляске на улице. Тогда ей казалось, что все девчонки во дворе завидовали ей.

Иногда тётя Валя, как называла её Лиза, приносила Николку к бабушке и просила: «Дорогая Арина Родионовна, не могли бы вы посидеть с Пушкиным, пока я в магазин сбегая?» Бабушка с радостью брала Николку и гукала с ним, приговаривая: «Повезло тебе с фамилией, Коленька, вырастешь поэтом!» В такие минуты Лизе позволялось потрогать малыша за крохотные ручки и погладить по голове.

— Где же тётя Валя? Подожду, может, придёт.

Но тётя Валя не приходила, и Лиза постучала в их дверь. С обратной стороны послышался шум. Обрадованная Лиза прильнула к двери в ожидании скорой встречи. Но вскоре звуки прекратились.

«Наверное, Мурка спрыгнула с подоконника», — подумала Лиза и, постояв немного, вернулась к детям.

Крепко обхватив Катьку и Николку, она вышла на улицу.

— Куда все подевались?

Лиза пошла в сторону дома. Среди непроглядной тьмы виднелись отблески пламени, клубы дыма и пепла.

Оглядевшись по сторонам, Лиза заметила, что там, где раньше возвышался их дом, оказалась груда развалин.

— Но где же дом? Ведь там моя школьная форма и портфель. Как же я в школу пойду? А вдруг мама там, под развалинами?!

Страх мурашками пробежал по телу. Обняв покрепче детей, со слезами на глазах девочка вернулась к бабушке. Завернув малыша в плед, Лиза села в старое плетёное кресло, в котором любил сидеть дедушка. Что делать она не знала. Вспомнила, как недавно она просилась к бабушке в гости, а мама сказала, что её нет, она на небе. Странно, но она здесь лежит, на кровати, и крепко спит. Лиза в надежде разбудить бабушку потянула за рукав, но бабушка лежала неподвижно. Решив подождать, когда она проснётся, девочка вернулась к детям. «Ребёнка надо покормить», — промелькнула мысль. Лиза вышла на кухню. Баночка, в которой когда-то лежали конфеты для Лизы, была пуста. Остальные баночки тоже.

За окном стемнело. Уложив детей с собой в кресло, Лиза не заметила, как уснула. Утром она решила выйти на улицу и найти маму и тётю Валю. Лиза брела по пустынной улице. Вдруг вдалеке показался знакомый силуэт. Остановившись, Лиза задержала дыхание. Сердце забилося так сильно, что, казалось, ударялось о рёбра.

— Мама!

Немного ещё помедлив, Лиза кинулась навстречу.

— Лизонька, девочка, это ты? — всплеснула женщина руками, приняв Лизу в объятия. — Жива, слава Богу!

Лиза удивлённо смотрела на тётю Иру, соседку со второго этажа, и не понимала: почему это она должна быть неживая?

— Пойдём же быстрее, вот мама-то обрадуется. Она здесь, недалеко, в медсанчасти, за ранеными ухаживает. Давай сюда кукол, я понесу.

— Это не куклы — это дети, — возразила Лиза, крепко прижав два свёртка.

Тётя Ира со словами:

— Ну, дети так дети, — повела Лизу к маме.

По дороге она всё повторяла:

— Радость какая, слава Тебе, Господи! А мама плачет уже вторые сутки. Дом-то наш разбомбили ироды проклятые, мама подумала — ты погибла, вот радость-то будет!

В здании, где раньше была школа, в которую Лиза должна была пойти в первый класс, разместилась медсанчасть. Во дворе сутились солдаты и врачи. На носилках, с перебинтованной головой и руками, стонал раненый. Лизе стало страшно. Раньше она часто играла в больницу. Сшитый мамой колпачок на голову и повязка на руку с красным крестом придавали Лизе вид настоящего

доктора. Часто Лиза, прихватив маленький чемоданчик-аптечку, ходила к бабушке с дедушкой и лечила их. Завидев внучку в колпаке и с повязкой, бабушка Арина звала дедушку и говорила: — Дорогой, смотри, кто к нам пришёл! Ну ты глянь-ка — вылитый доктор. Вот вырастешь, выучишься и будешь нас с дедом лечить.

— Бабушка, а когда я вырасту и выучусь?

— Ну вот давай посчитаем. Сейчас тысяча девятьсот сорок первый год, в сентябре ты пойдёшь в лучшую ленинградскую школу, через десять лет поступишь в институт. Шесть лет будешь учиться. Итого сколько тебе будет?

Лиза морщила лоб, делая вид, что считает.

— Правильно — двадцать три.

— А тебе тогда сколько будет, бабушка?

— А мне будет восемнадцать, — отвечала бабушка с хитрой улыбкой на лице.

Открыв дверь школы, Лиза с тётей Ирой оказались в длинном слабо освещённом коридоре. На стенах висели плакаты, какие-то таблицы, детские рисунки. Резкий больничный запах навязчиво зацепил в носу. Уткнувшись в детей, Лиза следовала за тётей Ирой. Раньше она представляла школу иначе. Со слов мамы она знала, что в школе на стене большая коричневая доска, на которой можно писать мелом, а потом написанное стирать мокрой тряпкой. В школе чистота, порядок, тишина во время уроков и весёлый там-тарарам на переменах. А сейчас здесь страшно и жутко.

«Когда же я увижу маму? Может, тётя Ира обманула, может, мамы нет? Наверное, она хочет оставить меня здесь, в этом страшном месте, — подумала Лиза и остановилась. — Уж лучше вернуться к бабушке».

Повернув в обратную сторону и сделав шаг назад, она услышала взволнованный голос тёти Иры: — Наташа, посмотри, кого я тебе привела!

Наталья, подняв от горя и слёз опухшие глаза, обернулась. С криком:

— Лиза, Лизонька, доченька моя, живая! — бросилась к дочке.

Обняв Лизу и усадив на колени, мама плакала, крепко прижимая её к себе.

— Мама, осторожно, тут Николка, я его у бабушки дома нашла.

Вскоре вокруг Лизы и мамы собрались работники медсанчасти. Развернув свёрток, все с удивлением и радостью смотрели на малыша.

— Живой! Живой!